

(пробежавший) ток ото всего ко мне, а творчество есть обратный ток от меня ко всему»¹⁶.

Влияние творчества Велимира Хлебникова на русскую и мировую культуру XX в. пока достаточно не оценено. Многие новации поэта столь органично вошли в нашу речь, что ссылка на первоисточник зачастую вызывает неподдельное удивление. Иная судьба у хлебниковской концепции заумного языка.

¹ Хлебников В. Собрание произведений. Л., 1931. Т. 4. С. 82.

² Хлебников В. Творения. М., 1986. С. 586; 625,

³ Хлебников В. Собрание произведений. Л., 1933. Т. 5. С. 188–189.

⁴ Там же. С. 270.

⁵ Хлебников В. Зангези. М., 1992. С. 44.

⁶ В Политехническом «Вечер новой поэзии»: Стихи участников поэтических вечеров в Политехническом, 1917–1923. Статьи. Манифесты. Воспоминания. М., 1987. С. 324–325.

⁷ Хлебников В. Зангези. С. 38.

⁸ Хлебников В. Творения. С. 621.

⁹ Там же. С. 624.

¹⁰ Хлебников В. Собрание произведений. Т. 5. С. 266.

¹¹ Хлебников В. Творения. С. 622; 624.

¹² Там же. С. 37.

¹³ Там же. С. 628.

¹⁴ Там же. С. 627–628.

¹⁵ Хлебников В. Собрание произведений. Т. 5. С. 209.

¹⁶ Дуганов Р. В. Велимир Хлебников: природа творчества. М., 1990. С. 86.

А. А. ГОРНЫХ

ПРОБЛЕМА ТЕКСТА: ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Текст как растражированный концепт включает в себя довольно нестрогий набор презумпций «постиндивидуального» модуса существования человека: выделение в рамках языкового онтологизма особой, безначальной «сети» генерации значений без цели и без центра (основной идеи, общей формулы, Автора), сведение к которым задавало каноны классической критики и, шире, философии; указание на анонимность и фрагментарность значений, пронизывающих весь массив человеческого опыта от повседневного обитания до художественного творчества; акцентировка силовых отношений, «формирующих» индивида, и т. д. В данной статье конкретизируется психоаналитическое преломление проблематики текста в сопоставительном анализе идей З. Фрейда и основателя «Парижской школы фрейдизма», автора так называемого структурного психоанализа, Ж. Лакана.

В начале уместно остановиться на смысле лакановского «возвращения» к Фрейду, декларируемого как общий лозунг всего структурного психоанализа. Отношению этих двух школ, конечно, нельзя прописать в простых терминах сохранения, очищения, канонизации доктрины учителя правоверным учеником. Существенным различием двух направлений является такой принципиальный момент, как трактовка символа. Символ, по Лакану, не определяется ни из оппозиции к аллегории как троп, ни противопоставлением буквальному иносказательного смысла вообще. Лакан сходится с Фрейдом в том, что в письменности сновидений мы имеем дело с бессознательным, с «посланиями Другого», но эти послания для Лакана не имеют фиксированного символического кода по типу юнгианского символизма. Пересмотр такого понимания символа осуществлен в работах К. Леви-Стросса, но еще раньше М. Мосс (1923) показал, как дары, которыми обмениваются в примитивных племенах, становятся символами самого акта обмена, т. е. не символизируют ничего ни сами по себе, ни по отношению к тому, что они репрезентируют в различных референциях. Следуя этой антропологической традиции, Лакан определяет символ как элемент закрытой системы, которая приобретает значение только в своих взаимоотношениях с другими элементами этой системы. Если фрейдовские «дома», «башни», «сигары» и т. д. составляли визуальный, образный код (в данном случае фаллический), укорененный в коллективном опыте, то лакановское понятие «фаллоса» — не образ, ни тем более часть тела, но всегда индивидуальное означающее. Символическое как бы разворачивает потенцированное Воображаемое через метонимию в частности. С формально-риторическим механизмом этого тропа совмещает алгоритм бессознательного — табуированный или запрещенный объект замещается, переносится на другой образ, посредством которого впредь субъект будет дотягиваться до желанного объекта (по типу того, как отец (биологический) — через языковую проработку — замещается Именем Отца, что позволяет ребенку занять его

место «мирным путем» и разрешает напряжение непосредственной семейной ситуации).

Несмотря на обрисованные различия, тезис «возврата к Фрейду» подкреплен реальным содержанием, что мы попытаемся показать на том же материале «символического» (одном только пункте встречи-расхождения, не исчерпывающем, естественно, плодотворного диалога Лакана с Фрейдом). Основополагающей в этом отношении следует признать раннюю работу Фрейда «Толкование сновидений» (1900), содержащую иной вариант теории символа. Как бы предваряя структуралистский вопрос «кто говорит?», Фрейд формулирует свою проблему следующим образом: откуда происходит «странная и причудливая», осуществленная в сновидении форма желания? Фрейд выдвигает два допущения: первое, что сновидения представляют собой вполне осмысленное явление; и, второе, что, тем не менее, они в качестве осмысленного феномена гораздо дальше отстоят от мышления наяву, нежели считалось относительно сновидения-бессмыслицы. «Она (деятельность сновидения или, в лакановской транскрипции, субъект бессознательного — А. Г.) вовсе не небрежнее, не слабее и не менее исчерпывающе, чем бодрствование мышление (или Эго — А. Г.): она представляет собой нечто совершенно отличное в качественном отношении... Она не мыслит, не считает, не судит — она ограничивается одним только преобразованием».¹

Эти преобразования задают тектонику формальных особенностей сновидения и прибегают к логическим связям как вспомогательному средству, зачастую вообще игнорируя их. К преобразованиям относятся прежде всего: сгущение и смещение (передвижение). Эта деятельность сновидения относится исключительно к сфере бессознательного. Фрейд подчеркивал, что при анализе сновидения он требовал, чтобы сообщающий его отрешился от всех градаций уверенности в точности передачи «виденного». Этим, считает Лакан, Фрейд добивался наведение мостов между воспринимаемым и переживаемым планами сновидения, перехода с уровня субъекта достоверности на уровень субъекта бессознательного. В «рассказе» анализируемого то, что считалось «произвольной и поспешно скомпонованной импровизацией», было для Фрейда «святым и неприкосновенным»; его методологическим кредо можно назвать то внимание и значение, которое он придавал самым мелким деталям сновидений, «всякому малейшему оттенку словесного выражения, текста сновидения, даже в тех случаях, когда перед нами бессмысленный или недостаточный текст»². Для Фрейда термин «текст» обозначает, по сути, феномен той особой «прочности психической сети», которая пронизывает все виды «литературы» (рассказы о сновидениях, детстве, проблемах и т. д.) с самым, казалось бы, беспорядочным ходом мыслей.

Итак, имеется некоторая «сеть» содержания сна, не скрепленная ни магистральным сюжетом, ни единой перспективой, ни логической упорядоченностью. Какой же порядок можно извлечь из этого хаоса? Какие аналитические процедуры адекватны этому объекту? Объясняя это, Фрейд прибегает к сравнению (обращение к иносказанию — это в каком-то смысле знак того, что здесь он уже на общем поле со структурным психоанализом, атрибутом которого является метафорический, трудно переводимый язык изложения) сновидения с зашифрованными фразами, как правило, шуточного содержания, помещаемыми на последних страницах журналов для развлечения читателей, которые должны предположить, что имеют дело с латинскими изречениями. «С этой целью, — пишет Фрейд, — отдельные буквы располагаются в другом порядке. Местами действительно образуется настоящее латинское слово, местами нам представляются обрывки таких слов и местами, наконец, стершиеся буквы и пробелы надписи вводят нас в заблуждение относительно бессмыслицы всего целого. Не желая обманываться, мы должны (здесь Фрейд переходит к смыслу собственной аналитики), не обращая внимания на все реквизиты надписи, считаться только с буквами и, вопреки их данному расположению, соединять их в слова нашего родного языка»³. Таким образом, вопрос о «странной» осуществленной форме желания по сути остается безответным: что поставить на место составителя фразы-загадки? Она такова, потому что такова. Но определяется процедура «текстуального» анализа: текст сновидений нужно исследовать скрупулезно постольку, поскольку это путь к выявлению расстановки слов «родного языка», поскольку это вариант Текста — анализа, направленного на поиск «ритма» членения, на возникающие вследствие этого прерывности напластования и разрывы «ткани» сна (а большая часть работы сна, отмечает сам Фрейд, построена на том, что сновидения «ловко пользуются двойным смыслом слов» — не образов — в диапазоне от «филологических фокусов детей» до «процессов, подобных стихосложению»⁴), которые являются результатом работы «приемов» преобразования: сгущения, смещения. «Мысли, которые скрываются за сновидениями и которые всплывают при его толковании, должны оставаться незавершенными и расходиться во все стороны сетевидного сплетения нашего мышления. Над самой густой частью этой сети и возвышается желание сновидения»⁵. Если, таким образом, понимать символичность желания как формальные сгущения (разрывы)

мышления, то становится понятным аксиоматическое для Лакана утверждение о том, что в VII главе «Толкования сновидений», и в частности в параграфе «Забывание сновидений» (из которого взята последняя цитата), «Фрейд попросту отсылает к игре означающих»⁶.

Все же, несмотря на такие по видимости полные совпадения, следует признать, что решительный поворот к тому, «как индивид выбирает слова?.. каким образом говорится о (тех или иных) вещах?»⁷, в качестве основы техники анализа осуществлен именно в концепции Жака Лакана. Обратимся непосредственно к последней.

«Квалифицирован ли я?» — таким обоюдоострым вопросом Лакан открыл свои семинары в 1964 г. Этот вопрос одной гранью обращен к коллегам, другой — в виде проблемы «предполагаемого субъекта знания» — к пациентам. Поводом его возникновения, на наш взгляд, служит проблематика текста. Объяснимся предварительно с помощью К. Леви-Строса, разъясняющего специфику «первой формы психоанализа» — шаманства: «В отличие от научного объяснения, — писал французский этнолог, — речь идет не о том, чтобы установить связь беспорядочных, неорганизованных состояний, эмоций и представлений с какой-то объективной причиной, но об их выражении в качестве чего-то цельного или об их построении в систему, позволяющую в определенной степени выделить или объединить эти смутные... состояния...»⁸.

Не трудно заметить, что в двух режимах работы сновидения — сгущении и смещении — легко опознаются риторические тропы, метафоры и метонимии, «работающие» сходным образом. Отсюда можно сделать следующий, менее очевидный, шаг и попытаться проинтерпретировать лакановское положение о том, что бессознательное структурируется как язык. «Каждый язык организует эти фонемы (двенадцать пар, выделенных Якобсоном — А. Г.) во все более сложные единицы звуков, слов и высказываний. Такая организация направляется законами подбора (метафора)... и комбинирования (метонимия)...»⁹. Учитывая сказанное, можно выделить то сходное, что объединяет психику и лингвистическую систему: аналогичный способ функционирования посредством подстановок и комбинирования — метафоры и метонимии. Далее, «Self (самость — А. Г.) выбирается на основании идентификаций с образами (метафора) в пределах референциального контекста комбинаций объектов (метонимия)»¹⁰. «Я», самость индивида тем самым представляется двусторонним оттиском лингвистической и бессознательной матриц, от прилегания и неприлегания которых зависит его «экзистенциальная» конфигурация.

Чтобы иметь возможность «оперировать» в пределах символического «тела» пациента, нужно развернуть (реконструировать) точечную интегральность «Я». Это пункт жесткой конфронтации Лакана с эго-психологией, «психоаналитической ортопедией врачей второго и третьего поколения», в погоне за адаптивным, сильным Эго, по существу, подавляющим бессознательное, которое обретается в тревожной подвешенности, задержке наступления, в том, что Лакан обозначает как зазор, пробел, зашиваемый эго-психологами суровой нитью. Необходимо растянуть плотно пригнанный коммуникативный дискурс и выявить эти пробелы, обеспечивая поле аналитической работы; необходимо перейти от речи, обращенной к Ближнему, к речи, адресованной Дальнему.

Отсюда вытекает оригинальная версия психоаналитического перенесения. Трансфер, по Лакану, не есть идентификационная проекция, но задействование реальности бессознательного, которое достигается не особыми манипуляциями, а, скорее, молчанием психоаналитика. «Присутствие аналитика — само по себе является обнаружением бессознательного... и, далее еще один вариант определения специфики структурного психоанализа, — сам этот факт должен быть включен в понятие бессознательного»¹¹. Психоаналитик как бы моделирует ситуацию инфантильного вхождения в язык, чтобы внести необходимый ритм членения, сделать речь «полной», восстановить Текст желания как некую изначальную связанную систему означающих. Невротически отягощенный анализируемый страдает отсутствием значения собственного желания, он не знает, чего он хочет, и в лице аналитика ожидает встретить того, кто это знает за него, «предполагаемого субъекта знания». И аналитик выдает себя за такового, хотя он и не «квалифицирован» в этой области, т. е. не обладает таким знанием. Квалификация в этом смысле очень условна, она заключается в обладании «инструментом», посредством изоморфности которого с бессознательным, сферой институирования желания «врач» вмешивается в формирование последнего. Из того, что этим «инструментом» оказывается язык, вытекает парадоксальное следствие: «интерпретация аналитика попросту отражает тот факт, что бессознательное... в своих проявлениях — сновидениях, оговорах, описках, остротах или симптомах — уже наращивается интерпретацией»¹².

То, что психоанализ инициировал фундаментальные философские сдвиги на пути от классического познания к обоснованию современных гуманитарных наук, очевидно. Траектория, которую «прочертил» картезианский субъект в XX

веке, кратко описывает этот излом. «Новый субъект» (или, скорее, новый «субъект»), субъект желания и по-новому ставит ряд принципиальных, не только для современной гуманитаристики, проблем. Одна из основных — отчуждение человека. При ее разработке (здесь речь идет главным образом о структурном психоанализе) особенно наглядна антимодернистская направленность современности, среди наиболее ярких манифестаций которой — проблематика текста. Феномен отчуждения укоренен в человеческой природе гораздо глубже абстрактно-логического, экономического и т. п. уровней, его преодоление невозможно ни рационально-педагогическими интервенциями, ни путем следования более осторожным фрейдовским рекомендациям большей гибкости культурных императивов, своим ригоризмом загоняющих человека в невротические тупики. Как горизонт желания этот феномен неустраним вообще — таков диагноз современного критицизма. Желание — это эффект символической артикуляции, фундаментального символического строя культуры. Это не аппетит (по удачному сравнению Алана Шеридана), это нечто эксцентрическое и ненасытное, так как связано не с объектом, удовлетворяющим его, но с объектом, его вызывающим, — и в этом смысле вся культура, а не только культура общества потребления, по сути фетишистская. Желание — это то, что не может быть удовлетворено, ибо оно существует в виде Текста, который относится к сосюровскому языку как «литературная способность», о которой говорил Барт, к языку грамматических учебников. Вот что пишет об одном из его аспектов американский культуролог Ф. Джеймисон: «...Для Фрейда и Лакана желание необходимо возникает в «связном» виде, то есть неотделимо включенным в определенное представление или структуру образа, или инстинктивную «наррацию», или «текст» (...) В этом смысле не существует чистых инстинктов, или импульсов, которые затем подыскивают подходящие реальные или воображаемые объекты. Настолько глубоко, насколько можно проникнуть в психику, желание всегда обнаруживает себя как уже кристаллизованное или артикулированное в особой конфигурации. Вот почему деятельность желания вонне никогда не может быть успешной: как бы буквален ни был ответ действительности, всегда должно оставаться структурное, точнее, онтологическое несоответствие между «текстом» желания и «реальностью» его воплощения субъектом...»¹³.

Некоторые интерпретаторы говорят о «смертельном отказе от своих подлинных (?) желаний»¹⁴, о задаче «создать новый (?) язык удовольствия... который посредством устраниения репрессивных компонентов нашего существования освободит нас»¹⁵, находясь в фарватере «классического» Фрейда (хотя на двусмысленность союза проговаривания-лечения обращала внимание еще М. Клейн, наблюдавшая при «talking cure» возрастающую тревогу и беспокойство пациента от самого процесса вербализации). Но это, на наш взгляд, проходит мимо, быть может, основного пафоса «честности в интеллектуальных вещах до жесткости» (Ницше), деромантизирующего концепцию «дара» (речи, культуры), подчеркивающего метафизический травматизм судьбы человека, неисполнимость его желания и необходимость это желание воспроизводить в его неисполнимости.

¹ Фрейд З. Толкование сновидений. Ереван, 1991. С. 360–361.

² Там же. С. 366.

³ Там же. С. 360.

⁴ Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1989. С. 321–322.

⁵ Он же. Толкование сновидений. С. 374.

⁶ Ласан J. The four fundamental concepts of psychoanalysis. London, 1977. P. 24.

⁷ Schneiderman S. Returning to Freud: Clinical Psychoanalysis in the school of Lacan. London, 1980. P. 11.

⁸ Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1985. С. 162.

⁹ Raglan-Sullivan E. Jacques Lacan and the philosophy of psychoanalysis. Chicago, 1986. P. 164.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ласан J. The four fundamental concepts of psychoanalysis. P. 125.

¹² Ibid. P. 130.

¹³ Jameson F. Fables of aggression. Berkley, 1979. P. 165.

¹⁴ Качалов В. П. // Лорос. 1992. № 3. С. 181.

¹⁵ Kurzweil E. The age of Structuralism. New York, 1980. P. 152.